

Журнал «Друг детей», 1926 год

Как Гришка провел октябрьский праздник
в деревне

На нарах, в темном углу, уставив глаза в потолок, Гришка задумался. Даже окрик матери, что-то делавшей в сених, не нарушил Гришкиного мечтания.

— Мамка, а мамка,—робко спросил он отворив дверь в сени...

— Чаво, ты там в угол забился? Точно холодно. Ступай на улицу,—ворча на Гришку, говорила мать.

А Гришка, лежа на нарах, молчал и все думал... Много различных предположений и взглядов вывел Гришка из своего долгого размышления, но мысль свою не переменял. Уставился глазами в потолок, уцепился, мысленно, за свою идею и осел на ней.

— Ступай гулять,—гнала его мать, крихтя, подымаясь на нары за своей одежкой.

— Да, ну-те,—отмахнулся Гришка и еще крепче прежнего задумался. Не до гулянья ему. Завтра праздник Октябрьской Революции. Слышал он, случайно, как в сельском совете говорили о том, что в больших городах этот день празднуют и на улицу с красными флагами выходят и песни революционные поют.

— Вот хорошо бы и у нас в деревне с флагами пройти...—и он запнулся не окончив своей мысли.—А где-же флаги взять? Хорошо

бы было, если ребята вышли бы все и мужики, глядишь, тоже бы, наверно, примкнули,—соображал Гришка, рисуя в голове воображаемое шествие ребят с флагами по деревне.—Хорошо бы,—и Гришка улыбнулся от удовольствия.

— Мамка, а мамка?—робко спросил он, спрыгивая с нар и отворив дверь в сени.

— Чаво тебе? Из избы не выходишь...

— Мамка, дай мне, там, на потолке я видел тяткину старую рубаху—еще более робея, произнес Гришка и замолчал, встретив строгий взгляд своей матери.

— Какую рубаху? На что тебе?—крикнула мать, накладывая на плечо белье, видно на речку полоскать собиралась.

— А ту, что рваная валялась. Я на потолок лазил, так видел. Мамка, а?—скулил Гришка, идя за ней сзади.

— Да какую рубаху-то?

— Крас-ную, она рва-а-ная.

— На что она тебе? Ты, мне, и думать не моги о ней,—сказала мать и пошла далее. У Гришки и слезы на глазах появились и заридать от горя захотелось, да пересилил он свое горе и, повернувшись круто, побежал в другой конец деревни к товарищу.—Авось у него найду, посоветуюсь,—подумал Гришка.

Андрюшку он нашел у избы строгоющим большим топором какую-то длинную палку. Гришка вкратце поведал свой план другу и очень радовался, когда тот уверенно и делови-

... при старательной и упорной работе флаг из рваной тряпки вышел, как настоящий.

то заявил, что для такого дела у него все найдется. Долго Гришка советовался с Андрюшкой по поводу завтрашнего дня и, наконец, отправился домой.

— Так ты ребятам расскажи, чтоб готовились. Как кого увидишь, так и растолкуй, штоб знали,—на ходу добавил Гришка своему давнишнему другу.

Долго не мог заснуть Гришка на полатах: то его кусает что-то, то дерюга колетса, то жарко. Ворочался, ворочался с боку на бок, ни как не уснуть, а в голове дума так застряла, что при желании не забывается.

Следующий день удался на славу. Гришка встал вместе с бабкой, бабка даже удивилась.

— Чаво так рано поднялся?

А Гришка натянул свой пиджак на плечи, да прямо к Андрюшке. А тот тоже поднялся рано, видно занятное дело спать не дает.

— Ну, достал? — задал первым вопросом Гришка, увидев своего «единомышленника».

— Готово,—ответил Андрюшка и повел в сарай.

Ножницы бы, да нитки надо, произнес Гришка, деловито почесывая в затылке. После некоторой подготовки вопрос встал о палке.

— Палку надо хорошую, а то не удобно будет,—заклучил Андрюшка.

— Я видел какие палки у флагов, когда в город ездил.

— А если из изгороди выдернуть?

— Нельзя, нет, надобно гладкую.

— Гладкую... Обожди маленько, я сейчас... и Гришка стрелой пустился по направлению к своему дому. Через некоторое время он возвратился, неся в руках длинный и гладко оструганный шест.

— Где взял?—спросил Андрюшка, удивленно осматривая принесенный шест.

— У тятки, из сарая упер. Укоротить бы его маленько,—произнес Гришка, измеряя глазами шест.

— Валяй, коли так.—Укоротили. Наконец, флаг готов. При старательной и упорной работе флаг из рваной тряпки вышел как настоящий.

— Ну, теперь пойдем ребят звать,—облегченно вздохнув, произнес Гришка, тщательно пряча в угол только-что сделанный флаг.

— Не унесут?—

— Нет, только схорони хорошенько,—успокоил Андрюшка и, затворив плотно сарай, друзья побежали за товарищами.

— Семь... десять... еще двое... Довольно Гришка. Двенадцать есть,—кричит Шурка.

— Обожди, беги позови Митьку да Ганьку, они тоже пойдут, да живее,—начальствующе добавил Андрюшка, посылая одного из мальчишек.

Собрались. У сарая галдежь и шум поднялся.

— Как пойдем-то? По два или кучей?—спросил кто-то из ребят.

— Не-е, надо порядком человека по четыре, как я видел в городе,—и Андрюшка начал строить ряды.

— А теперь что будет? Интернационал? Или Молодая Гвардия?—спросил кто-то.

— Флаг вперед надо.

— Знаю.

— Гришка, бери ты сам флаг,—крикнул Шурка, вставая в первый ряд.

Ну, пошли и шествие тронулось. Запели.

Сперва не стройно, а потом как-то лучше и звонче. Пошли по задворкам, чтоб с начала деревни начать. Идут в ногу, стройно. Из окон бабы глядят. Мужики, стоящие на улице, усмеваются, дивятся.

А ребята идут, да с гордостью по сторонам поглядывают. Чем дальше по деревне, тем больше шествие растет.

— На село пойдем, к со-

вету,— решает Гришка, извещая ребят.

— Согласны.

Никогда такого шествия Гришкины односельчане не видели. Диву дались. Скоро и село. Мимо церкви ребята пошли, еще громче запели: «Время за дело приниматься, в бой поспешим поскорей»...

Резко выделялись звонкие голоса ребят. Звучнее разрастались и ширились в могучий, душу бодрящий, напев. Вот и совет. Остановились. На окна совета поглядывают. Ждут чего-то. Вышел и остановился сам председатель сель-совета. Не старый, на слово крепкий, долгое время в Красной Армии служил. Окинул взглядом собравшихся, крикнул и начал.

Голос сильный, высокий, а как говорит, так точно за душу хватает. Притихли. Все слушают. Долго, толково, говорил он о значении Октябрьских завоеваний для рабочих и крестьян, о Красной Армии, о будущих строителях и о молодежи, что особенно понравилось Гришке и другим ребятам.

Никогда такого шествия Гришкины односельчане не видели.

— Да здравствуют Октябрьские завоевания! Да здравствует власть рабочих и крестьян! Да здравствуют будущие строители жизни—наши дети!—закончил он свою речь и его слова покрыли громкие и продолжительные крики «Ура».

Радостный, счастливый шел Гришка домой, окруженный ребятами.

— Вот это—здорово, сегодня,—радостно говорили ребята, шагая кучей по деревне.

— А, ведь, все Гришка устроил,—говорили другие, с уважением поглядывая на Гришку, который от радости сам был на седьмом небе. Счастливый ложился Гришка спать и на душе как-то легко было, ничего его не заботило; как лег, так и заснул.

К. Ушаков.